
Арина Вольская
Здесь была моя счастливая жизнь...
Новый этап
Новый дом
Наша семья
Здесь будет наше счастье
Развод: квартира нужна моей новой семье
ИНОГДА ТЫ ТЕРЯЕШЬ ДОМ, ЧТОБЫ НАЙТИ СЕБЯ
БОЛЬ. ПРАВДА. НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Арина Вольская

Развод: Квартира Нужна Моей Новой Семье

https://litres.ru/74713618

Аннотация

— Квартира нужна моей новой семье, Лида. А ты переедешь к маме. Я тебе даже раскладушку купил.

Тридцать два года брака. Взрослая дочь. Дом, который мне подарили родители. Я думала, что мы с мужем встретим здесь старость, пока однажды не застала в нашей спальне его любовницу.

Она уже выбирала мебель и решала, куда поставить кровать своего сына. А мой муж искренне возмущался, почему я не хочу освободить для них квартиру.

Самое страшное, что свекровь и даже родная дочь считают его предложение разумным.

Но, дорогой, ты кое-что забыл. Эта квартира — моя. И теперь ты очень пожалеешь, что решил меня из неё выставить.

Содержание

Глава 1. Они уже выбирали нашу спальню 4
Глава 2. У стены тебе хватит места 34
Глава 3. Мама, только не устраивай войну 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Глава 1. Они уже выбирали нашу спальню

В тот день Лидия вернулась домой почти на три часа раньше обычного и потом ещё долго думала о том, что случилось бы, задержись она в школе до вечера. В начале сентября занятий было сравнительно немного, расписание ещё не успели окончательно утвердить, а две ученицы предупредили о болезни. Лидия отпустила последнюю девочку в половине третьего, собрала ноты, заглянула к заведующей и отправилась домой, решив по дороге купить что-нибудь к ужину. Утром Вадим просил приготовить мясо, поскольку обещал вернуться пораньше, и она уже прикидывала, успеет ли заскочить в магазин за хорошей вырезкой. День выдался тёплым, хотя с утра моросил дождь, и Лидия даже пожалела, что надела плотный кардиган. В автобусе было душно, сумка с нотами неприятно оттягивала плечо, а ноги после четырёх часов за инструментом ныли. Она думала о том, что дома наконец переоденется, выпьет чаю и полчасика полежит, прежде чем заниматься ужином.

У подъезда Лидия встретила соседку с четвёртого этажа, перекинулась с ней несколькими словами и поднялась к себе на лифте. Открывая дверь, она машинально прислушалась, поскольку из квартиры доносились голоса. Вадим, должно

быть, действительно освободился пораньше и кого-то привёл. Лидия уже собиралась окликнуть мужа, когда заметила возле обувницы незнакомые женские сапоги. Высокие, из светлой кожи, с тонкими каблуками и золотистыми пряжками, они стояли рядом с Вадимовыми ботинками, которые тот утром надевал на работу. На полке лежала небольшая дамская сумочка, а поверх неё были брошены автомобильные ключи с красным брелоком. Лидия остановилась, так и не сняв туфель, и нахмурилась. За последние годы Вадим редко приводил домой посторонних, особенно среди рабочего дня, и обычно предупреждал её заранее, чтобы она хотя бы успела приготовить кофе.

— Вадим, ты дома? — позвала она, поставив свою сумку возле комода. В ответ послышалось какое-то движение, но муж не отозвался, и Лидия уже хотела повторить вопрос, когда из глубины квартиры донёсся незнакомый женский голос.

— А этот комод обязательно оставлять? Он такой старомодный, да ещё и тёмный. Я бы на его месте поставила что-нибудь посветлее, чтобы спальня выглядела просторнее.

— С мебелью потом разберёмся, — ответил Вадим совершенно спокойно, и Лидия услышала знакомый звук открывающегося ящика. — Сейчас главное освободить комнаты, а дальше сама выберешь, что тебе нравится. Я в этих ваших дизайнерских делах ничего не понимаю.

Лидия медленно выпрямилась. Несколько секунд она сто-

яла возле обувницы, вслушиваясь в разговор и пытаясь понять, кому муж предлагает выбирать мебель для их спальни. Вадим иногда помогал знакомым с ремонтом, мог порекомендовать материалы или хороших рабочих, но зачем ради этого вести кого-то в собственную спальню, было совершенно непонятно. Она сняла туфли, оставила кардиган на вешалке и прошла по коридору, чувствуя всё более неприятное раздражение. Дверь спальни была открыта настежь, и оттуда тянуло незнакомыми сладковатыми духами.

У распахнутого шкафа стояла женщина лет тридцати восьми или сорока, в светлых брюках и тонкой блузке с закатанными рукавами. Волосы у неё были аккуратно уложены, на запястье блестел широкий браслет, а в руке она держала одну из Лидиных юбок, которую сняла с вешалки, чтобы заглянуть в глубину шкафа. Вадим стоял рядом с кроватью, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на незнакомку с таким вниманием, какого жена давно от него не видела. На покрывале лежала раскрытая декоративная подушка, которую женщина, очевидно, успела взять из кресла. Лидия перевела взгляд с подушки на юбку, потом на мужа и почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок.

— А что здесь происходит? — спросила она, остановившись на пороге. Женщина резко обернулась, и Лидия протянула руку к своей одежде. — Простите, вы зачем открыли мой шкаф? И положите, пожалуйста, юбку обратно, я не разрешала трогать мои вещи.

Незнакомка растерялась всего на мгновение. Она поспешно повесила юбку, поправила рукав блузки и повернулась к Вадиму, словно именно он был единственным человеком, способным объяснить её положение. На лице мужа появилось раздражение, хотя ещё минуту назад он выглядел довольным.

— Вадим, ты разве не предупредил жену, что мы сегодня приедем? — спросила женщина, оглядываясь на Лидию. — Ты говорил, что всё уже обсуждалось. Я бы не стала открывать шкафы, если бы знала, что она ничего не понимает.

— А что именно должно было обсуждаться? — Лидия почувствовала, как начинает колотиться сердце, и посмотрела на мужа. — Вадим, я с тобой разговариваю. Кто эта женщина и почему она распоряжается нашей спальней?

Вадим тяжело вздохнул и вытащил руки из карманов. Он посмотрел на часы, потом на незнакомку, словно появление жены испортило ему заранее составленное расписание. Лидия слишком хорошо знала это выражение лица. Обычно оно появлялось, когда она задавала неудобный вопрос после его тяжёлого рабочего дня или просила заняться чем-нибудь домашним, на что у него совершенно не оставалось времени.

— Лида, давай без крика, — произнёс он, делая шаг к двери. — Ты вообще почему так рано? У тебя же занятия до вечера должны быть.

— Девочки заболели, занятия отменились, — ответила Лидия машинально и тут же разозлилась на себя за то, что

начала оправдываться. — Какая разница, почему я пришла домой? Это моя квартира, Вадим. Я могу возвращаться сюда когда угодно и не обязана заранее предупреждать вас обоих.

— Вот именно поэтому я и хотел сначала спокойно поговорить, — недовольно сказал муж, бросив быстрый взгляд на женщину. — А теперь придётся объясняться посреди коридора. Маргарита, подожди, пожалуйста, в гостиной, мы сейчас всё уладим.

— Я бы предпочла услышать объяснения вместе с тобой, — ответила та, и в её голосе появилась неприятная твёрдость. — Мне кажется, мы уже слишком долго откладываем этот разговор. Я не хочу опять возвращаться к тому, с чего мы начинали.

Лидия смотрела на них и постепенно переставала понимать происходящее. Они разговаривали так, словно давно обсуждали какую-то общую проблему, в которой ей отводилась роль человека, мешающего наконец принять решение. Вадим назвал женщину Маргаритой, а та говорила о возвращении к прежним договорённостям, хотя Лидия видела её впервые в жизни. Её взгляд снова упал на открытую дверцу шкафа. На внутренней стороне висело маленькое зеркало, перед которым она каждое утро поправляла волосы, а рядом лежала коробка с украшениями, подаренными мужем в разные годы. Незнакомка успела заглянуть и туда, поскольку крышка была сдвинута набок.

— Закройте шкаф, — сказала Лидия, уже не заботясь о

вежливости. — И выйдите из моей спальни. Оба.

Маргарита поджала губы, но спорить пока не стала. Она прошла мимо хозяйки, оставив после себя густой запах духов, и направилась в гостиную. Вадим задержался возле кровати, словно собирался что-то возразить, однако потом тоже вышел. Лидия закрыла шкаф, поправила коробку с украшениями и провела рукой по лежавшему на комоде кружевному покрывалу. Его связала ещё её мать, когда Лидия была молодой женщиной, и за все годы муж ни разу не предлагал убрать эту вещь. Теперь какая-то посторонняя особа пришла и объявила, что комод слишком старомодный, а Вадим спокойно пообещал подобрать вместо него другой.

— Лида, ты идёшь? — раздался из коридора голос мужа, и она вздрогнула, словно на несколько секунд забыла о его присутствии. — Давай поговорим нормально, пока ты сама себя не накрутила.

Лидия вышла из спальни, но вместо гостиной направилась в бывшую комнату Ани. Дверь была приоткрыта, и она заметила, что кресло возле пианино сдвинуто к стене, а лежавший на нём плед небрежно брошен на подоконник. Здесь никто посторонний не бывал уже несколько недель. После замужества дочери Лидия превратила комнату в небольшое домашнее музыкальное пространство, где могла заниматься сама, разбирать новые произведения и иногда проводить дополнительные уроки. Пианино досталось ей от матери, которая всю жизнь преподавала музыку, и она берегла инстру-

мент, хотя тот давно требовал внимательного ухода. На стене висели фотографии Ани в разные годы: первоклассница с огромным букетом, выпускница с медалью, счастливая молодая женщина в свадебном платье.

— Здесь тоже кто-то хозяйничал? — спросила Лидия, обернувшись к мужу. Он подошёл следом, остановился у дверного косяка и скрестил руки на груди. — Зачем кресло передвинули? И кто трогал мои ноты?

— Маргарита хотела посмотреть, сколько тут места, — ответил Вадим, словно речь шла о совершенно обыденном деле. — Слушай, пианино всё равно надо будет куда-то определить. Оно полкомнаты занимает, а ребёнку нужен стол, кровать, шкаф для вещей. Можно продать, пока ещё кто-то возьмёт.

— Какому ребёнку? — Лидия медленно повернулась к нему, чувствуя, что ноги становятся ватными. — Вадим, какому ребёнку здесь нужен стол? Ты вообще слышишь, что говоришь?

Из гостиной послышались шаги, и на пороге появилась Маргарита. Теперь она держалась увереннее, чем несколько минут назад, и с любопытством оглядывала комнату. Увидев пианино, она слегка поморщилась, а потом посмотрела на свободную стену возле окна.

— Моему сыну восемь лет, — объяснила она, обратившись непосредственно к Лидии. — Ему осенью идти во второй класс, поэтому хотелось бы всё устроить побыстрее. Я

думала поставить письменный стол возле окна, а кровать сюда, к противоположной стене. Только с инструментом действительно придётся что-то решать.

Лидия почувствовала, как кровь приливает к лицу. Перед ней стояла чужая женщина, которая совершенно серьёзно обсуждала размещение мебели в комнате её дочери и даже не считала нужным спросить разрешения. Вадим молчал, позволяя Маргарите продолжать, а когда Лидия перевела на него взгляд, только поморщился.

— Иди на кухню, — сказал он жене, заметив, что та открыла рот, собираясь закричать. — Я тебе сейчас всё объясню. Маргарита, оставь нас на несколько минут, пожалуйста, иначе мы опять начнём спорить втроём.

Лидия сама не помнила, как дошла до кухни. Она поставила чайник на плиту, хотя пить совершенно не хотелось, затем тут же выключила конфорку и отодвинула стул. На столе стояла её утренняя чашка с недопитым кофе, которую она собиралась убрать вечером. Рядом лежал список продуктов, составленный ещё вчера, и сверху было написано Вадимовым почерком: «Мясо, картошка, огурцы». Эта записка почему-то показалась Лидии особенно оскорбительной. Ещё утром муж просил приготовить ему любимый ужин, а теперь совершенно спокойно обсуждал, куда поставить кровать чужому ребёнку в квартире, где они прожили большую часть жизни.

Вадим вошёл следом, плотно прикрыл дверь и сел напро-

тив. Он выглядел недовольным, но растерянности или страха на его лице Лидия не заметила. Муж машинально потянулся к своей кружке, обнаружил, что она пустая, и поставил обратно.

— Лида, я давно собирался с тобой поговорить, — начал он, сложив руки на столе. — Просто всё время было неподходящее. То у матери очередной врач, то у тебя работа, то Аня с ребёнком приезжает. Я понимал, что разговор будет неприятным, и хотел выбрать момент, когда мы оба сможем нормально всё обсудить.

— Обсудить что? — Лидия наклонилась к нему, стараясь разглядеть в знакомом лице хоть какое-то объяснение. — Ты привёл женщину, которая примеряет нашу спальню и собирается поселить своего сына в комнате Ани. Что мне ещё нужно понять? Вадим, скажи наконец, что происходит.

Муж потёр переносицу, потом выпрямился и посмотрел на неё с неожиданным спокойствием. Именно это спокойствие испугало Лидию сильнее всего. За тридцать два года брака она видела его раздражённым, виноватым, весёлым, пьяным после встреч с друзьями, растерянным возле больничной кровати дочери. Сейчас перед ней сидел человек, который заранее продумал предстоящий разговор и просто дожидался возможности произнести приготовленные слова.

— У меня другая женщина, — сказал Вадим, не отводя взгляда. — Маргарита. Мы любим друг друга, и я собираюсь с ней жить. Понимаю, что тебе неприятно это слышать, но

я не могу до конца жизни делать вид, будто между нами всё хорошо. Мы давно живём по привычке, Лида, ты же сама это знаешь.

Лидия открыла рот, но не смогла сразу ответить. Она слышала каждое слово, однако смысл произнесённого словно не складывался в привычные понятия. Другая женщина, любовь, совместная жизнь. Ещё утром они с Вадимом разговаривали о том, что в субботу нужно съездить к его матери, потому что та просила купить новые шторы. Он поцеловал её в щёку, уходя на работу, пожаловался на боль в спине и напомнил про ужин. Лидия проводила его до двери, попросила не забыть таблетки от давления и даже пошутила, что без неё он когда-нибудь останется без головы. Муж улыбнулся, обулся и ушёл, а теперь сидел напротив и говорил о другой женщине так, словно они обсуждали давно назревшую покупку.

— Давно? — спросила Лидия наконец, и голос у неё прозвучал хрипло. Она кашлянула, стараясь справиться с пересохшим горлом, и повторила громче: — Давно у тебя другая женщина, Вадим? Сколько времени ты мне врёшь?

— Какая сейчас разница, сколько? — муж отвёл взгляд и придвинул к себе чашку. — Я же сказал, что всё серьёзно. И не хочу сейчас устраивать разбор наших последних лет. Мы оба прекрасно понимаем, почему так получилось.

— Нет, я ничего не понимаю! — Лидия ударила ладонью по столу, отчего чашка подпрыгнула и звякнула о блюдце. —

Я хочу знать, когда ты начал с ней встречаться! Когда говорил, что задерживаешься на работе? Когда уезжал на выходные с коллегами? Когда я сидела с твоей матерью после больницы, а ты объяснял, что у тебя совершенно нет времени?

Вадим раздражённо отодвинул чашку и посмотрел на дверь, за которой находилась Маргарита. Лидия заметила этот взгляд и почувствовала, как внутри поднимается новая волна ярости. Даже теперь он беспокоился о том, что услышит чужая женщина, хотя именно ей, собственной жене, только что сообщили о разрушении тридцатидвухлетнего брака.

— Можно потише? — попросил муж, понизив голос. — Маргарита всё слышит, ей и без того сейчас нелегко. Я не хотел, чтобы наше объяснение происходило при ней, но ты явилась раньше обычного и устроила скандал с порога. Давай хотя бы теперь вести себя по-взрослому.

— Ей нелегко? — Лидия даже подалась назад, словно он её ударил. — Ты серьёзно сейчас переживаешь за неё? Вадим, я твоя жена! Я прожила с тобой тридцать два года, родила тебе дочь, ухаживала за твоей матерью, когда ты не мог освободить даже один вечер! А теперь я должна думать, чтобы любовнице не было неприятно слушать, как ты мне изменял?

Муж поморщился, словно её голос причинял ему физическую боль. Он сказал, что не собирается выслушивать обвинения в собственной кухне и что Лидия прекрасно уме-

ет представить себя единственным человеком, который что-то делает для семьи. Затем поднялся, налил в стакан воды и выпил почти половину, стоя возле мойки. Лидия смотрела на его спину, на знакомую рубашку, которую сама выгладила утром, и с ужасом понимала, что хочет подойти, схватить его за плечи и заставить повернуться к ней. Ей необходимо было увидеть в его глазах хотя бы сожаление, потому что без него всё происходящее становилось совсем непереносимым.

— Хорошо, — произнесла она, когда Вадим вернулся к столу. — Допустим, ты решил уйти. Я сейчас даже обсуждать это нормально не могу, мне нужно понять, что делать дальше. Но зачем ты привёл её сюда? Почему она открывает мои шкафы, обсуждает мебель и собирается поселить ребёнка в нашей квартире? Ты ведь не собираешься привести их жить сюда, пока я буду смотреть?

Вадим уселся обратно, положил руки на стол и вздохнул с таким видом, словно жена наконец задала вопрос, ради которого он и начал объяснение. По его лицу было видно, что ответ давно готов. Он даже слегка успокоился, перестав оглядываться на дверь.

— Квартира нужна моей новой семье, Лида, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — У Маргариты сын, ему восемь лет, ему нужна отдельная комната. Они сейчас снимают двушку, платят приличные деньги, а здесь три комнаты, хорошая кухня и школа рядом. Всё прекрасно подходит, понимаешь? Тебе одной столько места просто ни к чему, поэтому разум-

нее будет освободить квартиру для нас.

Лидия несколько секунд молчала, разглядывая мужа. Ей показалось, что она ослышалась, и она даже переспросила, действительно ли он предлагает ей съехать из собственного дома. Вадим ответил утвердительно, словно не находил в этом ничего особенно удивительного, и принялся объяснять, что жизнь меняется, люди расстаются, а взрослый человек должен уметь приспосабливаться. Лидия слушала его и чувствовала, как страх постепенно уступает место такой ярости, что у неё начали дрожать руки.

— Ты хочешь, чтобы я отдала квартиру твоей любовнице? — спросила она, наклоняясь через стол. — Эту квартиру? Которую мне родители подарили? Вадим, ты вообще понимаешь, что говоришь? Здесь всё моё! Мамино пианино, папин шкаф в гостиной, фотографии, вещи, которые я берегла годами. Ты решил просто выставить меня за дверь, потому что нашёл себе другую женщину?

— Да перестань ты наконец делать из меня чудовище! — Вадим повысил голос и с раздражением откинулся на спинку стула. — Я тридцать два года в этой квартире прожил. Тридцать два, Лида! Кто здесь ремонты делал? Кто мебель покупал? Кто деньги в дом приносил, пока ты со своими учениками занималась? Ты прекрасно знаешь, сколько всего было сделано за мой счёт, и теперь изображаешь, будто я сюда с чемоданом явился и ничего не имею права просить.

— Ты здесь жил со своей женой! — Лидия вскочила, не

выдержав его тона. — Мы вместе жили, Вадим! Ты покупал мебель для нашей семьи, а я рожала, растила дочь, работала, готовила, стирала и ещё твоей матери помогала. Или ты теперь за каждую купленную табуретку собираешься предъявить мне счёт? Хочешь забрать мебель — будем разбираться с мебелью, только квартиру ты не получишь!

Вадим тоже поднялся. Он прошёл к окну, некоторое время смотрел во двор, затем повернулся и заговорил значительно тише, словно решил сменить способ убеждения. Лидия узнала эту манеру. Муж всегда так делал после ссоры, когда понимал, что криком добиться согласия не получится. Сначала требовал, потом начинал подробно объяснять, почему его предложение гораздо разумнее и выгоднее для всех, а сопротивление жены вызвано одной только обидой.

— Я прекрасно помню, что квартира записана на тебя, — произнёс он, опираясь ладонью о подоконник. — Никто с этим не спорит. Но у нас прожита целая жизнь, и я считаю, что имею моральное право на нормальные условия после развода. Ты ведь одна останешься, Лида. Аня давно живёт отдельно, внука привозят время от времени. Что ты будешь делать в трёх комнатах? Ходить из одной в другую и вспоминать, как мы здесь жили? Тебе самой от этого станет только хуже.

Лидия сжала кулаки. Он говорил о её будущем так уверенно, словно заранее знал, что она будет чувствовать после его ухода, и уже подобрал подходящее лекарство от предпо-

лагаемого одиночества. Ей захотелось спросить, когда именно муж успел подумать о её жизни после развода, если до сегодняшнего дня даже не сообщил, что развод вообще предполагается. Вместо этого она вдруг вспомнила, как несколько лет назад они выбирали новую кровать. Вадим тогда долго спорил из-за размера, уверял, что в маленькой спальне достаточно обычной двуспальной, а Лидия смеялась, что он вечно занимает всю постель. Они вместе привезли её домой, вместе застилали, и в тот вечер муж обнял её так крепко, что она пожаловалась на боль в спине. Теперь он собирался спать на этой кровати с Маргаритой, а жене предлагал искать себе другое место.

— А где ты вообще предлагаешь мне жить? — спросила Лидия, возвращаясь на стул, потому что ноги уже плохо держали её. — Ты решил, что я должна съехать. Хорошо, допустим, у тебя хватило наглости это придумать. Куда я, по-твоему, пойду? К Ане с её семьёй? В съёмную квартиру на свою зарплату преподавателя?

— Ну вот, опять ты всё доводишь до крайности, — Вадим даже оживился, услышав вопрос. — Никто не собирается выставлять тебя на улицу. Я же понимаю, что тебе нужно где-то жить, и заранее обо всём подумал. У матери есть место, она тебя прекрасно примет. Ты и так проводишь у неё кучу времени, а теперь не придётся туда постоянно ездить.

Лидия уставилась на него. Она знала однокомнатную квартиру свекрови до последней мелочи: узкий коридор, ма-

ленькая кухня, большая комната с диваном возле окна и шкафом вдоль стены. Последние полтора года она появлялась там по несколько раз в неделю, иногда оставалась ночевать, если свекровь плохо себя чувствовала. В такие ночи Лидия устраивалась на старом раскладном кресле, от которого к утру начинала болеть поясница. Она терпела неудобства, потому что считала помощь пожилой женщине необходимой, а муж всякий раз благодарил её за то, что ему самому не приходится брать отгулы.

— У твоей матери? — переспросила Лидия, чувствуя, как начинает дрожать голос. — Ты хочешь, чтобы я поселилась у твоей матери? Вадим, у неё одна комната. Где я там буду спать? И почему вообще после развода должна продолжать за ней ухаживать?

— Там всё можно устроить, — ответил он и снова посмотрел на часы. — Не надо делать вид, будто ты никогда там не ночевала. Мама к тебе привыкла, вы прекрасно ладите, тебе будет чем заняться. Ты ведь сама постоянно говоришь, что ей нужна помощь. Вот и будете жить вместе, присматривать друг за другом. Я даже считаю, что для тебя это лучший вариант на первое время.

— Лучший вариант для меня? — Лидия едва удержалась, чтобы не швырнуть в него стоявшую рядом чашку. — Ты бросаешь меня ради другой женщины, собираешься поселить её с ребёнком в моей квартире, а меня отправляешь ухаживать за своей матерью! И всё это называешь лучшим

вариантом? Вадим, ты хоть слышишь себя?

Муж снова нахмурился. По его мнению, Лидия намеренно отказывалась замечать очевидные преимущества предложенного решения. Он заговорил о том, что матери действительно требуется помощь, что найти хорошую сиделку непросто, а Лидия прекрасно знает все её привычки. Постепенно его объяснение стало напоминать перечень обязанностей, которые жена должна продолжить выполнять после развода. Он упомянул врачей, покупки, приготовление еды и даже заметил, что совместное проживание позволит Лидии сэкономить часть денег. Она слушала его всё более ошеломлённо, пока не поняла, что муж всерьёз рассчитывает сохранить удобное устройство прежней семьи, просто заменив женщину в собственной спальне.

— А Маргарита знает, куда ты собираешься меня отправить? — спросила Лидия, вытирая выступившие слёзы тыльной стороной ладони. — Она тоже считает, что я должна жить с твоей матерью, пока она будет спать в моей кровати?

— Маргарита прекрасно всё понимает, — ответил Вадим, и в его голосе снова появилась раздражённая твёрдость. — Она взрослая разумная женщина, у неё ребёнок, ей некогда устраивать бесконечные истерики. Я бы очень хотел, чтобы ты тоже посмотрела на ситуацию трезво. Тебе пятьдесят четыре года, Лида, ты же понимаешь, что мы не можем начать всё сначала только потому, что тебе обидно.

Лидия резко подняла голову. Возраст, который она рань-

ше называла без особых переживаний, сейчас прозвучал почти как обвинение. Недавно они отмечали её день рождения, Вадим подарил ей серьги, поцеловал при гостях и сказал, что надеется прожить вместе ещё столько же, хотя потом отшутился, что до такого возраста вряд ли дотянет. Она помнила, как смеялась над этой шуткой, сидя рядом с ним за праздничным столом. Теперь выяснялось, что муж уже тогда собирался строить новую жизнь с женщиной моложе её на пятнадцать лет.

— Значит, в пятьдесят четыре года мне положено переехать к твоей матери и перестать мешать вам жить? — Лидия медленно встала, опираясь рукой о стол. — А ты у нас молодой, тебе ещё всё можно? Ты ведь старше меня, Вадим. Тебе пятьдесят семь, если вдруг забыл. Только почему-то ты решил, что тебе нужна новая семья, а мне достаточно раскладного кресла у твоей матери.

— Да при чём здесь возраст? — раздражённо бросил Вадим, хотя ещё минуту назад сам напомнил о её годах. — Я говорю о том, что наши отношения закончились. Неужели ты хочешь заставить меня жить с тобой из жалости? Тебе самой это нужно?

Лидия хотела ответить, что никакой жалости от него не просила, но в этот момент дверь кухни приоткрылась. Маргарита стояла на пороге с телефоном в руке и выглядела заметно недовольной. Судя по её лицу, она слышала большую часть разговора и уже устала ждать, когда супруги наконец

договорятся.

— Вадим, извини, что вмешиваюсь, — произнесла она, обращаясь только к нему. — Мне нужно скоро ехать за сыном, а мы так ничего и не решили. Может быть, перенесём разговор на другой день? Я просто не понимаю, какой смысл всё это обсуждать, если Лидия пока не готова слушать.

Лидия повернулась к ней так резко, что задела бедром стул. Маргарита стояла в дверях её кухни, куда хозяйка ещё не приглашала её заходить, и с видом утомлённого человека рассуждала о чужой готовности слушать. На мгновение Лидии захотелось схватить её за руку и вытолкнуть в коридор, но она сдержалась, только крепче вцепилась в спинку стула.

— Я всё прекрасно услышала, — сказала Лидия, чувствуя, как дрожит подбородок. — Вы пришли в мою квартиру, открывали мои шкафы, выбирали мебель для моего дома, а теперь объясняете, что я недостаточно внимательно вас слушаю. Маргарита, кажется? Будьте добры, заберите свои вещи и уходите. Немедленно.

Маргарита растерянно моргнула, затем поджала губы. Она явно ожидала от Вадима какой-то реакции, но тот лишь тяжело вздохнул и потёр лоб. Лидия заметила, что незнакомка начала сердиться, и испытала неожиданное удовлетворение. По крайней мере, теперь эта женщина тоже чувствовала себя неуютно.

— Я понимаю, что вам сейчас неприятно, — произнесла Маргарита, стараясь сохранить ровный голос. — Но мы ведь

всё равно должны будем как-то договориться. Здесь есть ещё интересы ребёнка, и мне хотелось бы, чтобы взрослые люди не забывали об этом из-за личных обид. Я не собираюсь с вами ссориться, просто надеялась, что разговор получится спокойнее.

— Ваш ребёнок здесь ни при чём! — Лидия шагнула к ней и увидела, как та невольно отступила. — Не смейте прикрываться им, когда приходите в чужой дом! Вы прекрасно знали, что Вадим женат, знали, что здесь живу я, и всё равно явились выбирать спальню. А теперь уходите, пока я окончательно не перестала себя сдерживать!

— Лида, хватит! — Вадим встал между ними, вытянув руку в сторону жены. — Маргарита не сделала тебе ничего плохого. Я сам предложил ей приехать, сам показал квартиру, поэтому не надо вымещать на ней свою злость. Ты ведёшь себя просто отвратительно, и мне стыдно за тебя.

Эти слова словно окончательно развязали Лидии руки. Она обошла мужа, направилась в прихожую и распахнула входную дверь. На лестничной площадке было тихо, только где-то этажом выше хлопнула дверь лифта. Лидия вернулась к гостям и указала на выход, уже совершенно не заботясь о том, слышат ли соседи.

— Вон из моей квартиры! — потребовала она, глядя прямо на Маргариту. — Забирайте сумку, сапоги, что там у вас ещё осталось, и уходите. Я не собираюсь обсуждать с вами ни ребёнка, ни мебель, ни собственную спальню. И если вы

ещё раз придёте сюда без моего приглашения, разговора вообще не будет!

Маргарита несколько секунд стояла молча, потом выпрямилась и направилась к обувнице. Она обувалась медленно, стараясь не смотреть на Лидию, однако по напряжённой спине было видно, что происходящее её глубоко задело. Вадим подошёл следом, взял с полки её сумку и подал ей, бросив на жену такой взгляд, словно она совершила нечто непростительное.

— Мы всё равно вернёмся к этому разговору, — произнесла Маргарита, поправляя ремешок сумки на плече. — Я не собираюсь участвовать в ваших семейных скандалах, но и делать вид, будто ничего не произошло, тоже не стану. Надеюсь, когда вы успокоитесь, мы сможем обсудить всё нормально.

Лидия ничего не ответила. Она стояла у открытой двери, стиснув кулаки, и смотрела, как женщина проходит мимо неё. Маргарита не обернулась, а Вадим поспешил следом, придерживая дверь лифта. Перед тем как выйти, он велел жене прекратить истерику и сказал, что скоро вернётся, после чего дверь наконец закрылась. Лидия ещё некоторое время стояла посреди прихожей, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Потом медленно закрыла замок и прислонилась спиной к стене.

Ей хотелось плакать, но слёзы почему-то перестали идти. Она прошла на кухню, увидела две чужие чашки возле ра-

ковины и сразу поняла, что Маргарита успела выпить здесь кофе ещё до её возвращения. На блюдце остался след помады, а рядом лежала раскрытая пачка печенья, которую Лидия купила для внука. Вадим, значит, принимал любовницу в их доме, наливал ей кофе, показывал комнаты, позволял открывать шкафы. Может быть, они даже успели посидеть на их кровати, обсудить, какую мебель лучше оставить, а какую выбросить. Лидия подняла чашку двумя пальцами, словно та была чем-то грязным, и поставила в раковину. Затем открыла воду и начала мыть посуду с такой силой, что чуть не разбила блюдце.

Когда посуда была вымыта, она села за стол и снова посмотрела на список продуктов. Утренний Вадим, который просил приготовить мясо, и сегодняшний мужчина, собиравшийся выселить её к собственной матери, никак не соединялись в одного человека. Лидия попыталась вспомнить последний вечер, когда муж был с ней по-настоящему ласков, но память подсовывала только привычные семейные мелочи. Он мог обнять её перед телевизором, принести любимые конфеты, пожаловаться на трудный день. Иногда они даже смеялись вместе, обсуждали Аниного сына, спорили о том, какую передачу посмотреть. Она действительно замечала, что между ними стало меньше близости, но считала это естественным после тридцати двух лет брака. И никогда не предполагала, что Вадим уже успел полюбить другую женщину и обсуждает с ней, как избавиться от прежней жены.

Лидия встала и отправилась в спальню. Там всё оставалось так, как было несколько минут назад: раскрытая подушка лежала на покрывале, шкаф был закрыт, на комоде стояли фотографии. Она подняла рамку, в которой они с Вадимом были сняты на море десять лет назад. Муж обнимал её за плечи, она смеялась, прикрыв глаза от солнца, а за спинами виднелась полоса голубой воды. В тот отпуск они впервые за долгое время уехали вдвоём, без Ани и родственников. Лидия помнила, как Вадим выбирал ей смешную соломенную шляпу, а вечером они сидели в маленьком кафе и спорили, куда поехать следующим летом. Она долго смотрела на фотографию, затем поставила её обратно и опустилась на край кровати.

Теперь на этой кровати собиралась спать другая женщина. Лидия представила, как Маргарита открывает её шкаф, убирает одежду, раскладывает свои вещи по ящикам и рассказывает Вадиму, какой комод лучше купить вместо старого. От этой картины её затошнило. Она резко поднялась, подошла к шкафу и проверила, все ли вещи остались на местах. Юбка, которую держала любовница, висела неправильно, крючок цеплялся за соседнюю блузку. Лидия поправила вешалку и вдруг расплакалась, стоя посреди спальни с этой несчастной юбкой в руках. Она не понимала, как можно было прожить с человеком столько лет и оказаться перед ним настолько беспомощной.

Вадим вернулся почти через двадцать минут. Лидия услы-

шала, как повернулся ключ, потом муж прошёл в прихожую и снял ботинки. Он не окликнул её и не спросил, где она находится. Несколько секунд возился с телефоном, затем направился на кухню. Лидия вытерла лицо, поправила волосы и вышла следом, чувствуя, что оставаться одной в спальне больше не может.

— Ну что, довольна? — спросил Вадим, когда она появилась на пороге кухни. Он стоял возле окна с телефоном в руке и выглядел раздражённым. — Маргарита всю дорогу плакала. Ей теперь кажется, что я втянул её в какой-то балаган, хотя я обещал, что мы спокойно поговорим. Ты хоть понимаешь, в какое положение меня поставила?

Лидия посмотрела на него и не сразу нашлась с ответом. Муж действительно был возмущён, и главным предметом его возмущения оказались слёзы любовницы. Её собственных слёз он словно не заметил, хотя лицо у Лидии опухло, а глаза покраснели.

— Она плакала? — переспросила Лидия, медленно подходя к столу. — Бедная женщина. Пришла выбирать мою спальню, а хозяйка вдруг оказалась дома. Какое несчастье, Вадим. Ты, наверное, долго её успокаивал?

— Вот опять ты начинаешь, — муж убрал телефон в карман и раздражённо развёл руками. — Я понимаю, что тебе тяжело, но можно хотя бы не издеваться? Маргарита совершенно не виновата, что у нас с тобой всё закончилось. Я сам принял решение уйти, и только я за него отвечаю.

— Тогда объясни, почему она сегодня открывала мои шкафы, — потребовала Лидия, глядя ему в лицо. — И почему ты заранее пообещал ей мою квартиру, хотя прекрасно знал, что я никогда не соглашусь её отдать. Ты ведь даже не спросил меня, Вадим. Просто привёл сюда женщину и начал показывать, где она будет жить.

Муж нахмурился, отодвинул стул и сел. Теперь, когда Маргарита уехала, он явно собирался продолжить прежние уговоры. Лидия вдруг поняла, что весь сегодняшний скандал ничуть не изменил его намерений. Он воспринимал случившееся как досадную задержку, после которой нужно вернуться к первоначальному плану.

— Поэтому я и хотел сначала решить вопрос с твоим переездом, — ответил Вадим. — Я прекрасно понимаю, что тебе сейчас всё кажется ужасным, но через несколько месяцев ты сама увидишь, что так было разумнее. Мама уже согласилась принять тебя, мы всё обсудили. Она даже сказала, что будет рада, если вы поживёте вместе, потому что одной ей тяжеловато.

Лидия почувствовала, как внутри снова всё похолодело. До этого момента она надеялась, что муж просто придумал вариант со свекровью и ещё не успел сообщить матери о своих планах. Теперь выяснялось, что они обсуждали её переселение за спиной, пока она продолжала ездить к пожилой женщине с продуктами и помогала по хозяйству.

— Подожди, — сказала Лидия, медленно опускаясь на

стул. — Ты хочешь сказать, что твоя мать знает о Маргарите? И о том, что ты собираешься со мной развестись?

— Конечно, знает, — ответил Вадим с некоторым удивлением. — Я же не мог скрывать от неё такие вещи. Мы с ней ещё летом разговаривали, когда я понял, что хочу изменить свою жизнь. Мама меня поддержала, хотя, разумеется, переживает за тебя. Она считает, что мы сможем всё решить без взаимных оскорблений.

Лидия вдруг вспомнила июньский вечер, когда привезла свекрови продукты и несколько часов помогала разбирать шкаф. Та тогда была особенно ласковой, уговаривала не уходить до ужина, расспрашивала о здоровье и несколько раз повторила, какая Лидия хорошая хозяйка. Потом попросила на следующей неделе приехать снова, потому что одной трудно мыть окна. Лидия приехала, вымыла окна, приготовила обед и ещё долго слушала рассказы о соседке, которая совсем забросила пожилую мать. Теперь она пыталась понять, знала ли свекровь уже тогда, что сын собирается привести в Лидину спальню другую женщину.

— Летом? — переспросила она, чувствуя, как пересохли губы. — Значит, она всё это время знала? Я к ней ездила, готовила, убирала, возила по врачам, а она знала, что ты собираешься меня выгнать?

— Никто тебя не выгоняет, — раздражённо поправил Вадим, и Лидия увидела, что его терпение окончательно заканчивается. — Я предлагаю нормальный выход из ситуации.

Ты сама говорила, что маме нужна постоянная помощь, и теперь вам обеим будет удобнее. Зачем превращать разумное предложение в какую-то трагедию?

— А она хоть раз сказала тебе, что нельзя так поступать со мной? — Лидия наклонилась к мужу, стараясь удержать голос от дрожи. — Хоть раз спросила, куда я денусь, что буду чувствовать? Или вы сразу начали обсуждать, куда поставить мне кровать, чтобы я не мешала?

Вадим посмотрел на неё с усталым раздражением. Он явно считал, что жена снова пытается заставить его оправдываться за давно принятое решение. Несколько секунд муж молчал, затем поднялся и подошёл к холодильнику, словно хотел закончить неприятный разговор самым обычным домашним действием.

— Мама завтра приедет, сама тебе всё объяснит, — сказал он, доставая бутылку воды. — Она предложила обсудить, как лучше устроить ваши вещи и что понадобится перевезти в первую очередь. Я думаю, если вы вдвоём нормально поговорите, никаких особенных сложностей не возникнет. Давай сегодня уже прекратим, у меня голова раскалывается от этих криков.

Лидия смотрела, как он наливает воду в стакан, и не могла поверить, что этот человек ещё утром называл её своей женой. Теперь он планировал завтрашний приезд матери, обсуждал перевозку вещей и жаловался на головную боль, пока она сидела перед ним с заплаканным лицом. За окном начи-

нало темнеть, во дворе возвращались с работы люди, кто-то вёл ребёнка за руку, а возле подъезда остановилась машина доставки. Обычный сентябрьский вечер продолжался, хотя Лидии казалось, что прежней жизни больше не существует.

— Я никуда не поеду, Вадим, — произнесла она, когда муж поставил стакан на стол. — Пусть твоя мать завтра приезжает, если ей хочется. Только имей в виду: никакого переезда не будет. Я останусь в своей квартире, а вы с Маргаритой будете решать жилищный вопрос без меня.

Вадим посмотрел на неё долгим недовольным взглядом. Лидия ждала нового взрыва раздражения, однако он только пожал плечами, словно услышал слова, которые заранее предвидел. Затем убрал бутылку в холодильник и направился к двери.

— Завтра поговорим, когда ты успокоишься, — бросил он через плечо. — Мама к одиннадцати подъедет, поэтому постарайся никуда не уходить. И не начинай опять с порога, пожалуйста, она пожилой человек, ей нельзя нервничать.

Лидия осталась сидеть за столом, пока в коридоре не затихли его шаги. Она слышала, как Вадим открыл шкаф, достал домашнюю одежду и направился в ванную, словно ничего особенного за день не произошло. Потом зашумела вода, и этот привычный звук оказался настолько невыносимым, что Лидия закрыла лицо ладонями. Ей хотелось ворваться к нему и потребовать, чтобы он наконец понял, что сделал, но сил на новый скандал уже не оставалось. Она подняла голо-

ву только тогда, когда телефон на столе коротко завибрировал от сообщения дочери. Аня прислала фотографию внука с первым школьным поделочным корабликом и спрашивала, сможет ли бабушка приехать в воскресенье.

Лидия долго смотрела на экран, не решаясь ответить. Ещё утром она собиралась в воскресенье испечь внуку пирог и заехать к дочери с гостинцами, но теперь даже не знала, как начать разговор. Ей хотелось немедленно рассказать Ане обо всём, услышать возмущение и поддержку, однако она боялась расплакаться прямо во время звонка. Лидия отложила телефон, вытерла лицо и медленно поднялась из-за стола. В спальне её ждал муж, который, вероятно, уже собирался лечь спать, а завтра утром должна была приехать свекровь, заранее согласившаяся принять невестку на освободившееся место возле своего шкафа.

Она прошла по коридору и остановилась перед дверью бывшей комнаты Ани. На пианино лежали раскрытые ноты, которые Лидия оставила утром перед работой, а на крышке стояла фотография матери. Лидия подошла, поправила помятый лист и провела пальцами по знакомым клавишам, не нажимая их. Родители когда-то подарили ей эту квартиру, чтобы дочь всегда имела собственный дом, и радовались, что молодая семья сможет жить просторно. Теперь их уже не было рядом, а мужчина, с которым она собиралась состариться, решил привести сюда другую женщину и отправить хозяйку ухаживать за своей матерью. Лидия присела возле инстру-

мента, положила руки на колени и долго смотрела на тёмное окно. Завтра ей предстояло услышать, как свекровь объяснит, почему она должна освободить собственную квартиру для новой семьи Вадима.

Глава 2. У стены тебе хватит места

Лидия почти не спала всю ночь. Сначала она долго лежала на диване в гостиной, прислушиваясь к звукам из спальни, где Вадим совершенно спокойно готовился ко сну. Он несколько раз выходил в коридор, заглядывал на кухню, разговаривал с кем-то по телефону вполголоса, а ближе к полуночи даже включил телевизор. Лидия слышала знакомые заставки передач, шум воды в ванной, скрип дверцы шкафа и никак не могла понять, каким образом мужу удаётся заниматься обычными делами после всего, что произошло. Она сама едва могла дышать от обиды, а Вадим, судя по всему, прекрасно чувствовал себя в доме, из которого собирался её выселить. Около двух часов ночи Лидия всё-таки поднялась, прошла в спальню за подушкой и увидела, что муж уже спит. Он лежал на своей половине кровати, отвернувшись к стене, и даже не пошевелился, когда она открыла шкаф. Лидия забрала подушку, постояла несколько секунд возле кровати и вернулась в гостиную, с трудом сдерживая желание разбудить его и снова потребовать объяснений.

Утром Вадим появился на кухне около восьми, свежевыбритый, в чистой рубашке и с телефоном в руке. Лидия к тому времени успела умыться, переодеться и выпить две чашки крепкого чая, от которого только сильнее колотилось сердце. Она сидела возле окна и смотрела во двор, где двор-

ник собирал опавшие листья, хотя деревья ещё оставались почти зелёными. Муж открыл холодильник, некоторое время разглядывал полки, затем обернулся к ней с недовольным видом.

— Лида, а завтракать мы сегодня собираемся? — спросил он, доставая контейнер с оставшейся от вчерашнего ужина гречкой. — Я матери обещал к половине одиннадцатого заехать, а до этого ещё кое-какие дела нужно сделать. Ты хоть яйца пожарить можешь или у нас теперь вообще никто готовить не будет?

Лидия медленно повернула голову и посмотрела на него. Вадим держал контейнер в одной руке, а другой продолжал листать что-то в телефоне. Ещё позавчера она бы встала, поставила сковороду на плиту и приготовила завтрак, попутно спросив, какой кофе ему сварить. Сегодня от одного его вопроса у неё неприятно свело живот.

— Сковорода в нижнем шкафу, яйца в холодильнике, — ответила она, отодвигая пустую чашку. — Если ты не забыл, вчера сообщил мне, что собираешься жить с другой женщиной. Думаю, завтрак ты как-нибудь сумеешь приготовить самостоятельно.

Вадим поднял глаза от телефона, несколько секунд смотрел на жену, затем недовольно хмыкнул. Он поставил контейнер обратно и достал упаковку яиц, всем своим видом показывая, насколько мелочно выглядит её поведение. Лидия наблюдала, как он открывает шкаф, ищет сковороду и раз-

дражается из-за того, что большая сковородка стоит за маленькой. Ей хотелось напомнить, что посуду он сам переставил несколько дней назад, когда доставал форму для запекания, но она сдержалась. Муж наконец поставил сковороду на плиту и принялся разбивать яйца, оставляя скорлупу прямо на столешнице.

— Вот с этого всё и начинается, — заметил он, когда Лидия поднялась, собираясь убрать свою чашку. — Вчера устроила представление перед Маргаритой, сегодня даже завтрак приготовить трудно. А ведь я тебе предложил вполне человеческий вариант, при котором никто не останется на улице. Могла бы хотя бы выслушать мать, прежде чем окончательно портить отношения.

— Твоя мать знала, что ты мне изменяешь, — напомнила Лидия, остановившись возле мойки. — Она знала, что ты собираешься привести сюда любовницу, пока я ездила к ней с продуктами и лекарствами. Я очень хочу услышать, что она мне сегодня скажет. Только сомневаюсь, что тебе понравится наш разговор.

Вадим выключил плиту и переложил яичницу на тарелку. Он не стал отвечать сразу, но по тому, как резко поставил сковороду в раковину, Лидия поняла, что задела его. Муж сел за стол, отрезал кусок хлеба и только после этого снова заговорил.

— Мама пожилой человек, Лида, поэтому прошу тебя об одном: не устраивай перед ней истерик, — произнёс он, по-

двигая к себе солонку. — У неё после травмы и так здоровье не самое крепкое. Она хочет помочь нам решить вопрос спокойно, и я рассчитываю, что ты хотя бы ради неё сумеешь себя сдержать.

Лидия посмотрела на мужа, потом на оставленную им грязную сковороду и почувствовала, что ещё немного — и она действительно закричит. Всю ночь она представляла, как Вадим утром попросит прощения, признается, что вчера наговорил лишнего, хотя бы попытается объяснить, как дошёл до такого предательства. Вместо этого муж обсуждал завтрак и предупреждал, чтобы она не расстраивала его мать. Лидия молча поставила чашку в раковину и вышла из кухни, оставив его доедать яичницу.

До приезда свекрови оставалось больше двух часов. Первые занятия у Лидии начинались только после трёх, поэтому утром она действительно могла оставаться дома, хотя вчера ещё собиралась использовать свободное время для подготовки новых произведений. Она зашла в ванную, умылась холодной водой и долго рассматривала себя в зеркале. Лицо осунулось после бессонной ночи, под глазами появились тёмные круги, а возле губ особенно отчётливо обозначились морщинки, которых раньше она почти не замечала. Лидия вспомнила Маргариту с её аккуратной причёской, светлой блузкой и гладкой кожей. Вчера любовница Вадима стояла возле её шкафа и совершенно спокойно выбирала, какую мебель следует выбросить из спальни. Лидия закрыла гла-

за, пытаясь избавиться от этого воспоминания, но перед ней снова возникли чужие руки, державшие её юбку.

Она переоделась в тёмные брюки и мягкую кофту, собрала волосы и немного подкрасила ресницы. Потом сама разозлилась на то, что старается выглядеть прилично перед женщиной, которая участвовала в обсуждении её выселения. Однако выйти к свекрови с опухшим от слёз лицом Лидия тоже не хотела. За годы брака Нина Сергеевна привыкла видеть невестку аккуратно одетой, приветливой и готовой немедленно заняться её просьбами. Даже после самых тяжёлых рабочих дней Лидия старалась не показывать усталости, когда приезжала к свекрови: выслушивала жалобы, заваривала чай, доставала из холодильника продукты и выясняла, что нужно купить к следующему визиту. Теперь ей было почти физически неприятно вспоминать эти поездки.

Полтора года назад Нина Сергеевна упала возле подъезда и сильно повредила ногу. После лечения она могла самостоятельно ходить по квартире, готовить простую еду и даже выходить в ближайший магазин, но лестницы, долгие прогулки и тяжёлые сумки давались ей с трудом. Врачи советовали больше двигаться и постепенно возвращаться к привычным занятиям, однако свекровь предпочитала жаловаться на слабость и просить кого-нибудь сходить вместо неё. Поначалу Лидия приезжала дважды в неделю, привозила продукты и помогала с уборкой. Потом визиты стали почти ежедневными, потому что Нина Сергеевна то забывала купить хлеб, то

жаловалась на давление, то просила отвезти её к знакомой, с которой непременно нужно было повидаться.

Лидия хорошо помнила, как впервые попросила Вадима взять на себя хотя бы часть этих забот. В тот вечер она вернулась после занятий поздно, с тяжёлой сумкой, полной продуктов для свекрови, и обнаружила, что муж уже собирается смотреть футбол. Он выслушал её жалобы, пообещал в следующий раз сам съездить к матери, но спустя несколько дней снова нашёл срочные дела. Потом предложил Лидии сократить количество учеников, объяснив, что его зарплаты вполне хватает на двоих, а пожилой женщине нужен близкий человек. Лидия долго сопротивлялась, поскольку любила работу и дорожила своими учениками, но в конце концов уступила. Вадим тогда обнял её, поблагодарил за понимание и пообещал, что все остальные семейные обязанности возьмёт на себя. Спустя полтора года выяснилось, что освободившееся время жены он считает удобным основанием для её постоянного переселения к матери.

Около десяти Вадим уехал. Перед уходом заглянул в комнату, напомнил, что вернётся с Ниной Сергеевной примерно через полчаса, и попросил поставить чайник. Лидия промолчала, хотя уже приготовилась ответить, что его мать вполне может обойтись без привычного угощения. После того как дверь закрылась, она всё-таки прошла на кухню, достала чистые чашки и поставила на стол сахарницу. Несколько минут простояла возле буфета, выбирая печенье, а затем с раздра-

жением вернула коробку на полку. Она поймала себя на том, что привычно готовится принимать свекровь так, словно та приезжает в обычные гости. Лидия убрала со стола лишнюю посуду, но чайник включать не стала.

Нина Сергеевна появилась без десяти одиннадцать. Лидия услышала, как на лестничной площадке Вадим негромко подбадривает мать, затем заскрипела дверь лифта и в замке повернулся ключ. Свекровь вошла в прихожую, опираясь на трость, в тёмном пальто и аккуратно повязанном платке. Ей было семьдесят девять лет, но она по-прежнему тщательно следила за собой, красила губы и никогда не выходила из дома без причёски. Вадим поддерживал её под локоть, хотя в квартире мать сразу отпустила его руку и сама поставила трость возле обувницы.

— Лидочка, здравствуй, милая, — произнесла Нина Сергеевна, наклоняясь для привычного поцелуя в щёку. — А я уж думала, ты на работу ушла. Вадик говорит, у вас тут вчера неприятности случились, вот мы и решили приехать, чтобы спокойно всё обсудить.

Лидия позволила поцеловать себя, но не стала обнимать свекровь в ответ. От знакомого запаха духов и пудры у неё болезненно сжалось горло. Ещё неделю назад она сама покупала Нине Сергеевне эти духи, потому что те закончились, а идти в магазин пожилой женщине было тяжело. Теперь свекровь стояла в её прихожей и говорила о вчерашнем предательстве сына как о небольшой семейной неприятности.

— Проходите, Нина Сергеевна, — ответила Лидия, отступая к стене. — Вадим сказал, что вы хотите со мной поговорить. Мне тоже есть о чём вас спросить, поэтому давайте не будем затягивать.

Свекровь посмотрела на неё внимательнее, заметила опухшие веки и слегка поджала губы. Она сняла пальто, аккуратно повесила его на плечики, потом поправила платок перед зеркалом. Вадим терпеливо ждал, пока мать закончит, и предложил пройти на кухню. Лидия шла следом, прислушиваясь к знакомому постукиванию трости по полу. Нина Сергеевна всегда немного преувеличивала осторожность, когда рядом находился сын. При Лидии она вполне могла пройти по квартире без трости, если требовалось достать что-нибудь из шкафа или поставить чайник.

За столом свекровь устроилась на привычном месте возле окна и попросила налить ей некрепкого чая. Лидия выполнила просьбу, хотя руки неприятно дрожали. Вадим сел рядом с матерью, положил телефон экраном вниз и посмотрел на жену, ожидая, когда та наконец присоединится. Лидия осталась возле столешницы, опираясь о неё ладонями.

— Ну что ты стоишь, словно мы чужие люди? — спросила Нина Сергеевна, осторожно размешивая сахар. — Садись, Лидочка. Я понимаю, что у тебя сейчас душа болит, но ведь мы с тобой взрослые женщины. Давай поговорим спокойно, без криков и взаимных обид.

Лидия села напротив. Несколько секунд она смотрела, как

свекровь поднимает чашку, делает маленький глоток и довольно кивает, словно чай оказался именно таким, как ей хотелось. Нина Сергеевна всегда любила начинать серьёзные разговоры с привычных мелочей. Обычно это действовало на Лидию успокаивающе, но сегодня вызывало только раздражение.

— Я хочу сначала кое-что выяснить, — произнесла Лидия, положив руки на колени. — Вадим вчера сказал, что вы давно знаете о его отношениях с Маргаритой. Это правда?

Нина Сергеевна поставила чашку и поправила край салфетки. По её лицу было видно, что вопрос не понравился, хотя удивления он не вызвал. Вадим тоже слегка напрягся, но вмешиваться пока не стал.

— Сын со мной делился, конечно, — ответила свекровь после небольшой паузы. — Он же мой единственный ребёнок, кому ещё ему рассказывать о своих переживаниях? Я видела, что последние годы он ходит невесёлый, постоянно уставший. Когда Вадик признался, что встретил женщину, с которой снова почувствовал себя счастливым, я, разумеется, переживала за вас обоих.

— За меня вы тоже переживали? — Лидия наклонилась вперёд, не сводя глаз со свекрови. — Когда я приезжала к вам летом, привозила продукты, мыла окна и готовила на несколько дней, вы уже знали, что у Вадима другая женщина?

Нина Сергеевна вздохнула и посмотрела на сына, слов-

но предлагая ему самому объяснить ситуацию. Вадим слегка кивнул, давая понять, что скрывать уже нечего. Тогда свекровь сложила руки на столе и заговорила мягким, немного обиженным голосом.

— Знала, Лидочка, и мне самой было нелегко, — призналась она. — Но разве я могла вмешиваться в ваши отношения? Вадик взрослый мужчина, ему пятьдесят семь лет. Я не имею права диктовать сыну, с кем жить и кого любить. Ты ведь сама понимаешь, что удерживать человека возле себя одной благодарностью невозможно.

Лидия почувствовала, как неприятно заболели виски. Ей пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, прежде чем она смогла продолжить. Свекровь говорила с таким видом, будто именно невестка собиралась насильно удерживать мужа, хотя ещё вчера Лидия даже не знала, что он намерен уйти.

— А почему вы решили, что я собираюсь удерживать его благодарностью? — спросила она, стараясь говорить ровно. — Я вчера впервые узнала о Маргарите. Вадим привёл её в мою спальню, позволил открывать шкафы и выбирать мебель. А теперь оказывается, что вы обо всём знали и даже обсуждали, куда меня переселить. Нина Сергеевна, вы ведь прекрасно понимали, что мне никто ничего не рассказал?

— Вадик собирался поговорить с тобой сам, — ответила свекровь, чуть повысив голос. — Я несколько раз ему говорила, что такие вещи нужно решать своевременно. Но он боялся твоей реакции, и, как видишь, вполне обоснованно.

Вчера ты устроила женщине такой скандал, что она потом долго не могла успокоиться.

Лидия резко повернулась к мужу. Вадим сидел с неподвижным лицом, хотя уголок рта у него едва заметно дёрнулся. Она сразу поняла, что он успел подробно пересказать матери вчерашнее происшествие, причём наверняка в наиболее выгодном для себя виде.

— Значит, вы уже знаете, как я обидела Маргариту, — произнесла Лидия, чувствуя, как начинает дрожать голос. — А о том, что она рылась в моём шкафу, он вам рассказал? Что они с Вадимом выбирали нашу спальню и обсуждали, куда деть мамино пианино? Или это неважно, потому что я должна была спокойно встретить любовницу и предложить ей кофе?

Нина Сергеевна недовольно поморщилась. Она взяла ложечку, несколько раз повернула её между пальцами и положила обратно на блюдце. Вадим открыл рот, собираясь что-то сказать, но мать остановила его лёгким движением руки.

— Маргарита, насколько я понимаю, просто хотела посмотреть квартиру, — произнесла свекровь. — Она ведь собирается здесь жить, поэтому естественно интересуется, как всё устроено. Вадик, конечно, поторопился привести её без предварительного разговора с тобой, я ему уже сказала. Но это не причина превращать всё происходящее в трагедию. Люди расходятся каждый день, и ничего постыдного в этом нет.

— Вы с ней знакомы? — неожиданно спросила Лидия, потому что заметила, как уверенно свекровь рассуждает о намерениях Маргариты. — Вы видели эту женщину?

Нина Сергеевна слегка замялась, затем поправила ворот блузки. Вадим опустил глаза к телефону, хотя экран оставался выключенным. Лидия переводила взгляд с одного на другую и уже почти знала ответ.

— Вадик познакомил нас в конце июля, — призналась свекровь. — Они заезжали ко мне на чай, Маргарита привезла хороший торт и цветы. Очень приятная женщина, между прочим. Вежливая, аккуратная, за ребёнка переживает, работает, сама себя обеспечивает. Я сначала насторожилась, конечно, но потом увидела, как сын возле неё меняется. Он давно таким довольным не выглядел.

Лидия медленно откинулась на спинку стула. В конце июля она несколько дней подряд ездила к Нине Сергеевне, потому что та жаловалась на плохое самочувствие и просила приготовить еды на неделю. Однажды Лидия приехала после работы, долго искала в аптеке нужное лекарство, потом почти до девяти вечера разбирала продукты и мыла посуду. Свекровь тогда особенно ласково благодарила её и даже предложила забрать домой баночку варенья. Лидия помнила, как устала в тот вечер, как Вадим отказался заехать за ней, сославшись на срочное совещание, и как она возвращалась на автобусе с больной спиной. Теперь выяснялось, что примерно в те же дни свекровь принимала у себя его любов-

ницу и обсуждала счастье сына.

— А мне вы потом звонили и просили приехать убрать квартиру, — тихо сказала Лидия, глядя на пожилую женщину. — Интересно получается, Нина Сергеевна. Маргарита у вас чай пьёт с тортом, а я после работы полы мою. И вы всё это время молчите, смотрите мне в глаза, называете доченькой.

Свекровь вспыхнула и отодвинула чашку. На её лице впервые появилось настоящее раздражение, которое она уже не пыталась скрыть. Вадим выпрямился, приготовившись вступиться за мать, но Нина Сергеевна заговорила первой.

— Не надо теперь попрекать меня каждой вымытой тарелкой, — произнесла она, и голос её стал значительно суше. — Я никогда не заставляла тебя приезжать силой. Ты сама говорила, что хочешь помочь, сама предлагала купить продукты или приготовить обед. Я считала тебя близким человеком и была благодарна за заботу. Теперь, оказывается, всё это делалось для того, чтобы потом предъявить мне счёт.

— Я делала это потому, что вы мать моего мужа! — Лидия повысила голос и почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. — Потому что Вадим каждый раз говорил, что ему некогда, а вы жаловались на здоровье. Я сократила работу, Нина Сергеевна, отказалась от учеников, которых годами вела! А вы знали, что ваш сын собирается от меня уйти, и спокойно принимали мою помощь!

— Вот опять ты за своё, — вмешался Вадим, придвигаясь

к столу. — Никто не заставлял тебя отказываться от учеников. Мы вместе решили, что так будет удобнее, и я ни разу не упрекнул тебя в том, что ты стала меньше зарабатывать. А теперь выясняется, что мне нужно всю жизнь расплачиваться за каждую поездку к собственной матери.

Лидия повернулась к нему, уже не пытаясь скрыть слёз. Она вспомнила, как они обсуждали сокращение её нагрузки: Вадим уверял, что всё возьмёт на себя, что они наконец смогут больше времени проводить вдвоём, а летом непременно поедут отдыхать. Тогда Лидия долго сомневалась, потому что не хотела расставаться с учениками, но муж несколько вечеров подряд убеждал её, что семья важнее лишних занятий. Теперь он изображал дело так, словно жена сама придумала себе обязанности и добровольно отказалась от работы.

— Помнишь Кисловодск? — спросила она, неожиданно вспомнив ту поездку. — Мы собирались ехать вдвоём, уже выбрали гостиницу, я даже занятия заранее перенесла. А потом твою мать выписали после больницы, и ты сказал, что мы никуда не поедем, потому что ей нужна помощь. Я тогда предлагала нанять человека хотя бы на несколько часов в день. Ты ответил, что чужим людям доверять нельзя, а мне всё равно будет спокойнее рядом с ней.

Вадим недовольно поморщился и отвернулся к окну. Лидия видела, что он помнит этот разговор, но признавать ничего не собирается. Нина Сергеевна тем временем начала складывать использованные салфетки в аккуратную стопку,

хотя за столом никто больше ничего не ел.

— Мама тогда действительно нуждалась в помощи, — ответил наконец Вадим. — И я благодарен тебе за то, что ты согласилась. Только не понимаю, при чём здесь наш сегодняшний разговор. Ты сама говорила, что не можешь спокойно отдыхать, пока она болеет. Я просто предложил остаться дома и перенести поездку на другое время.

— А потом ты опять сказал, что на работе завал, — напомнила Лидия, вытирая щёки. — Следующим летом у тебя были командировки, потом какие-то срочные дела. Мы так никуда и не поехали, Вадим. Зато ты прекрасно находил время для Маргариты, раз успел познакомить её со своей матерью.

Муж раздражённо поднялся и подошёл к окну. Он несколько секунд смотрел во двор, затем повернулся и заявил, что бесконечно возвращаться к старым семейным обидам бессмысленно. По его мнению, Лидия специально вытаскивала самые неприятные воспоминания, чтобы заставить его почувствовать себя виноватым. Нина Сергеевна согласно кивнула и предложила наконец перейти к практическим вопросам, ради которых они приехали.

— Лидочка, ты пойми, ведь жизнь продолжается, — заговорила свекровь, снова придавая голосу мягкость. — Вадик встретил женщину, полюбил, хочет создать с ней семью. Я прекрасно понимаю, что тебе сейчас обидно, но ты же разумная женщина. Мы с тобой давно знакомы, знаем привычки

друг друга, нам вполне будет хорошо вместе. Я одна целыми днями сижу, ты тоже останешься одна в этой огромной квартире. Зачем нам обеим мучиться, когда можно устроиться гораздо удобнее?

Лидия медленно повернула голову. Свекровь говорила с таким видом, словно предлагала вместе провести отпуск или хотя бы съездить за город. Вадим стоял возле окна, слушал мать и одобрительно кивал. Они оба явно считали главным препятствием Лидино нежелание оценить преимущества предложенного решения.

— А вы вообще представляете, как мы будем жить в вашей однокомнатной квартире? — спросила Лидия, заставляя себя говорить спокойнее. — Там и одному человеку тесно. У вас большой диван, шкаф, стол возле окна, телевизор. Куда я поставлю хотя бы кровать? Или мне предполагается спать на полу?

Нина Сергеевна слегка оживилась, словно именно этого вопроса ждала с самого начала. Она повернулась к сыну, и тот сразу посмотрел на часы. Лидии не понравилось, как быстро они обменялись взглядами. Вадим даже немного улыбнулся, будто наконец получил возможность продемонстрировать заранее подготовленный приятный сюрприз.

— Вот видишь, мама, я же говорил, что дело только в практических мелочах, — произнёс он, направляясь в прихожую. — Подождите минуту, я сейчас принесу. Специально вчера заехал купил, чтобы потом не пришлось по магази-

нам бегать.

Лидия смотрела ему вслед и не понимала, что ещё он успел придумать. Нина Сергеевна довольно поправила салфетку, взяла чашку и предложила невестке налить ещё немного чая. Лидия отказалась, чувствуя, как неприятное предчувствие сжимает грудь. Через несколько минут входная дверь открылась, послышался грохот чего-то металлического, и Вадим вернулся с длинной прямоугольной упаковкой, перетянутой широкими ремнями.

— Вот, — объявил он, поставив покупку возле кухонного стола. — Нормальная раскладушка, усиленная, с хорошим матрасом. Я специально выбирал такую, чтобы спина не болела. В сложенном виде совсем немного места занимает, можно за шкаф убирать.

Лидия уставилась на упаковку. Несколько секунд она просто смотрела на приклеенную фотографию раскладушки, затем подняла глаза на мужа. Вадим тем временем уже освобождал ремни, а Нина Сергеевна с явным одобрением наблюдала за его действиями. Они оба выглядели довольными своей предусмотрительностью, словно речь шла о покупке удобного подарка.

— Ты купил мне раскладушку? — спросила Лидия, чувствуя, как голос становится чужим. — Вадим, ты действительно вчера поехал в магазин и купил раскладушку, чтобы я спала у твоей матери?

— Ну а что тебя удивляет? — муж вытащил металличе-

скую раму из упаковки и поставил возле стола. — Я же сказал, что обо всём подумал. Можно, конечно, купить диван, но тогда придётся половину маминой комнаты освобождать. А эта удобная, видишь, как складывается? Давай я покажу, там вообще ничего сложного.

Он перенёс раскладушку в гостиную, где было больше свободного места, и начал раскладывать её возле дивана. Металлические ножки с громким щелчком опустились на пол, Вадим расправил тонкий матрас и несколько раз нажал на него ладонью, проверяя жёсткость. Нина Сергеевна медленно прошла следом, опираясь на трость, остановилась возле покупки и одобрительно покачала головой.

— Хорошая вещь, между прочим, — заметила она, внимательно рассматривая матрас. — У меня такая в молодости была, только гораздо проще. А эта совсем приличная, мягкая. Поставим у стены возле шкафа, как раз между диваном и столом место есть. На ночь разложим, а утром уберём, чтобы ходить не мешала.

Лидия вошла в гостиную и остановилась возле двери. На раскладушке лежал новый матрас в сером чехле, а Вадим с довольным видом объяснял матери, как фиксируются ножки. Она переводила взгляд с мужа на свекровь, постепенно понимая, насколько подробно они успели обсудить её дальнейшую жизнь. Они уже решили, где будет стоять кровать, когда её следует складывать, куда убирать постель. Оставалось только привезти вещи и начать выполнять обязанности,

которые ей заранее определили.

— А утром ты будешь складывать её сама, — продолжала Нина Сергеевна, обращаясь к Лидии. — Я ведь рано встаю, часов в семь уже на ногах, поэтому хорошо бы к этому времени проход освободить. Постель можно в шкаф убрать, я нижнюю полку освобожу. Только много вещей не бери, нам с тобой столько одежды всё равно не понадобится.

Лидия посмотрела на свекровь с таким изумлением, что та даже слегка смутилась. Однако Нина Сергеевна тут же продолжила, объясняя, как удобно будет двум женщинам вести хозяйство вместе. Она рассчитывала, что Лидия станет готовить нормальную горячую еду каждый день, потому что самой ей тяжело долго стоять у плиты. За покупками теперь можно будет ходить без лишних звонков, а по врачам ездить вместе, заранее согласовывая расписание. Кроме того, свекровь собиралась наконец разобрать антресоли, вымыть окна перед зимой и привести в порядок старые вещи, на которые у неё давно не хватало сил.

— Я думаю, тебе даже понравится, — добавила она, поглаживая ладонью новый матрас. — Вставать будем вместе, завтракать, потом ты своими делами займёшься, если занятия останутся. Я иногда телевизор смотрю, ты можешь в это время книгу почитать. Нам вдвоём и скучать некогда будет, а главное, никто не станет целыми днями сидеть один.

Лидия почувствовала, как внутри поднимается горячая, почти невыносимая злость. Свекровь говорила о её работе

как о каком-то необязательном занятии, которое можно сохранить, если останется время между приготовлением завтрака и разбором антресолей. Вадим тем временем сложил раскладушку, снова разложил её и с гордостью продемонстрировал, насколько легко это делается. Он даже предложил Лидии попробовать самой, но она не двинулась с места.

— А если мне захочется поспать до восьми? — спросила Лидия, глядя на Нину Сергеевну. — Или почитать вечером, когда вы собираетесь смотреть телевизор? А если я приду с работы уставшая и не захочу готовить ужин? Вы ведь прекрасно знаете, что мои занятия иногда заканчиваются поздно.

Нина Сергеевна посмотрела на неё с укоризной. Она осторожно опустилась в кресло, поправила юбку на коленях и вздохнула. Вадим, который уже собирался убрать раскладушку, остановился и повернул голову.

— Лидочка, ну зачем ты заранее ищешь неприятности? — спросила свекровь. — Конечно, бывают разные дни, я же не собираюсь тебя заставлять. Но если мы будем жить вместе, придётся считаться друг с другом. У меня определённый распорядок, я пожилой человек, мне трудно его менять. Ты ведь всегда была заботливой, внимательной, прекрасно знала мои привычки. Что теперь такого случилось, что тебе стало тяжело приготовить обычный ужин?

— Случилось то, что ваш сын бросает меня ради любовницы, — ответила Лидия, уже не пытаясь скрыть злость. —

И вы решили, что после этого я должна переехать к вам, спать на раскладушке и продолжать за вами ухаживать. Нина Сергеевна, я помогала вам как жена Вадима. Я приезжала, потому что считала вас своей семьёй. А вы теперь обсуждаете, во сколько мне вставать и сколько одежды разрешается привезти!

Свекровь выпрямилась в кресле. Её лицо заметно покраснело, а пальцы крепче сжали рукоятку трости. Вадим сделал шаг к жене и раздражённо махнул рукой, требуя говорить тише.

— Лида, прекрати, — произнёс он, глядя ей прямо в лицо. — Никто тебя не нанимает в сиделки. Мама просто объясняет, как вы сможете устроиться. Ты ведь сама спросила, где будешь спать. Вот мы и показываем, что место есть. Что опять не так?

— Не так всё, Вадим! — Лидия почти закричала, чувствуя, как слёзы застилают глаза. — Ты вообще понимаешь, что делаешь? Ты купил мне раскладушку, чтобы я освободила нашу спальню для твоей любовницы! Ты стоишь здесь и показываешь, как удобно она складывается, словно сделал мне огромный подарок! А твоя мать уже распределяет обязанности, будто я сама попросилась к ней жить!

Вадим резко выпрямился и сжал губы. На его лице появилось выражение оскорблённого человека, чьи добрые намерения совершенно неправильно поняли. Он несколько секунд молчал, затем посмотрел на мать и тяжело вздохнул.

— Вот видишь, мама, — произнёс он с горечью. — Я говорил, что она всё перевернёт. Стараешься, думаешь, как лучше устроить, тратишь деньги, а в ответ получаешь обвинения. Лида, можно было хотя бы спасибо сказать за то, что я не оставляю тебя без крыши над головой.

Лидия неожиданно рассмеялась. Смех получился коротким, резким и совершенно не похожим на её обычный голос. Она прикрыла рот ладонью, пытаясь справиться с собой, но Вадим успел нахмуриться ещё сильнее.

— Спасибо? — переспросила она, с трудом переводя дыхание. — Ты хочешь, чтобы я поблагодарила тебя за раскладушку? Вадим, квартира, из которой ты меня выгоняешь, принадлежит мне! Её подарили мои родители, когда Аня ещё в школу не ходила. Ты здесь прожил тридцать два года, пользовался всем, что у нас было, а теперь решил привести другую женщину и объясняешь, что великодушно разрешаешь мне спать у твоей матери!

— Опять эта квартира! — Вадим раздражённо ударил ладонью по сложенной металлической раме. — Тебе больше нечего сказать? Я всю жизнь работал, обеспечивал семью, а теперь выясняется, что у меня вообще ничего своего нет. Стоит только заговорить о разводе, как ты сразу вспоминаешь, кто там что подарил. Очень удобная позиция, Лида.

— У тебя есть работа, машина, деньги, которые мы вместе откладывали, — ответила Лидия, шагнув ближе к нему. — Ты вполне можешь снять жильё для Маргариты, если так

сильно её любишь. Только тебе жалко тратить собственные деньги, поэтому ты решил забрать мою квартиру. А меня отправить туда, где тебе самому неудобно даже несколько дней пожить.

Нина Сергеевна резко постучала тростью по полу. Лидия обернулась и увидела, что свекровь смотрит на неё с откровенной обидой. До этого пожилая женщина пыталась сохранить видимость доброжелательности, однако теперь даже не собиралась скрывать раздражение.

— Я смотрю, Лидочка, ты совсем забыла, с кем разговариваешь, — произнесла она, выпрямив спину. — Я ведь тебя всегда как родную дочь принимала. Когда Ане маленькой плохо было, кто приезжал помогать? Когда ты сама болела, кто суп варил? А теперь оказывается, что жить со мной для тебя такое наказание. Я, между прочим, тоже не обязана терпеть чужие капризы в собственном доме.

Лидия вспомнила, как свекровь действительно приезжала помогать после рождения Ани. Нина Сергеевна тогда была значительно моложе, могла провести несколько часов с внучкой, привозила домашнюю еду и нередко забирала ребёнка к себе на выходные. Лидия никогда не отрицала этой помощи, благодарила за неё и старалась отвечать тем же, когда пожилой женщине самой понадобилась поддержка. Но сейчас ей казалось невероятным, что все прежние добрые дела используются как объяснение, почему она должна освободить собственную квартиру.

— Я всегда была вам благодарна, Нина Сергеевна, — ответила она, стараясь справиться с дрожью в голосе. — И никогда не считала, сколько раз вы помогали мне с Аней. Но ведь вы сейчас предлагаете мне отказаться от своего дома ради любовницы вашего сына! Я должна бросить работу, которая мне нравится, свои вещи, своё пианино, свою спальню и поселиться возле вашего шкафа. И всё это потому, что Вадиму захотелось начать новую жизнь!

— Тебе никто не предлагает бросать работу, — вмешался муж, раздражённо отводя взгляд. — Хочешь заниматься — занимайся. Мама ведь прямо сказала, что вы всё устроите. Но нельзя же вести себя так, будто ты одна на свете имеешь право на какие-то желания. У Маргариты ребёнок, ему нужна нормальная комната, а ты теперь живёшь одна. Неужели самой не стыдно упираться из-за пустующих помещений?

— А почему твой ребёнок тебя больше не интересует? — вдруг спросила Лидия, сама удивившись возникшей мысли. — Аня выросла в этой квартире, здесь её комната, её фотографии, её вещи. Ты хотя бы спросил дочь, что она думает о твоём поступке? Или решил, что раз она взрослая, можно вычеркнуть и её из прежней жизни?

Вадим нахмурился и посмотрел на дверь, словно разговор окончательно утомил его. Он ответил, что Аня давно живёт собственной семьёй и прекрасно понимает, что родители имеют право разойтись. Более того, по его словам, дочь наверняка сумеет отнестись к происходящему разумнее ма-

тери, если ей всё спокойно объяснить. Лидия почувствовала неприятный холодок при мысли, что муж может уже готовить для Ани свою версию событий, но сейчас её больше волновала стоявшая посреди гостиной раскладушка.

— Убери это, — потребовала она, указывая на покупку. — Немедленно сложи и увези обратно. Я не собираюсь даже садиться на неё, Вадим. Можешь подарить своей матери, продать или выбросить, мне совершенно всё равно. Только перестань показывать её как доказательство твоей заботы обо мне.

Вадим несколько секунд смотрел на жену, затем с раздражением начал складывать металлическую раму. Одна ножка не сразу поддалась, и он дёрнул её сильнее, отчего раскладушка громко лязгнула. Лидия невольно вздрогнула, но осталась возле двери. Муж сложил матрас пополам, закрепил ремнями и поставил покупку к стене.

— Ну и пожалуйста, — бросил он, выпрямляясь. — Только потом не говори, что я о тебе не думал. Мама предлагает принять тебя, я покупаю нормальное спальное место, а ты устраиваешь скандал из-за собственного упрямства. Ладно, не хочешь сейчас — не надо. Через несколько дней успокоишься, тогда снова поговорим.

Лидия почувствовала, что больше не может слушать его объяснения. Она подошла к раскладушке, ухватилась за ручку упаковки и потащила её в коридор. Металлическая рама тяжело стукнулась о дверной косяк, и Вадим поспешил сле-

дом, требуя быть осторожнее с новой вещью. Лидия остановилась возле кладовки и повернулась к нему, уже не сдерживая слёз.

— Забирай свою раскладушку и уходи! — закричала она, толкнув покупку к мужу. — Я никуда не перееду, слышишь? Ни к твоей матери, ни к Ане, ни в какую съёмную комнату! Это мой дом, и я останусь здесь. А ты можешь хоть сегодня собирать вещи и отправляться к Маргарите, раз так сильно хочешь с ней жить!

Нина Сергеевна медленно поднялась из кресла и вышла в коридор. Она шла осторожно, опираясь на трость, но по лицу было видно, что сейчас её больше волнует обида, чем повреждённая нога. Свекровь остановилась перед Лидией, посмотрела на раскладушку, затем на невестку и покачала головой.

— Я никогда не думала, что ты способна так разговаривать, — произнесла она с дрожью в голосе. — Столько лет считала тебя дочерью, всем рассказывала, какая у меня хорошая невестка. А сегодня приехала с открытым сердцем, предложила жить вместе, и ты выставляешь меня за дверь. Видимо, зря я столько лет старалась относиться к тебе породственному.

Лидия почувствовала новый приступ отчаяния. Ей хотелось спросить, почему свекровь не замечает, что сама приехала обсуждать её переселение ради чужой женщины, но слова застряли в горле. Нина Сергеевна продолжала говорить,

жаловаться на неблагодарность и вспоминать прежнюю помощь, а Вадим уже доставал из шкафа её пальто. Он бережно накинул его матери на плечи, помог поправить воротник и посмотрел на жену с таким укором, словно она только что совершила нечто совершенно непростительное.

— Пойдём, мама, — сказал он, застёгивая верхнюю пуговицу её пальто. — Я отвезу тебя домой, здесь сегодня разговаривать бесполезно. Лида пока не способна воспринимать даже самые простые вещи, поэтому продолжать только нервы портить. Прости, что зря тебя привёз, я действительно думал, что она хотя бы при тебе сумеет вести себя прилично.

— Не надо было меня тревожить, — ответила Нина Сергеевна, поправляя платок. — Я ведь сразу говорила, что нельзя всё решать в один день. Пусть Лидия подумает, остынет, вспомнит, как мы раньше жили. А я, между прочим, никому навязываться не собираюсь. Если ей так противно со мной жить, пусть сама решает, куда деваться.

Лидия открыла входную дверь и отошла в сторону. Она уже не пыталась оправдаться, объяснить своё поведение или добиться от свекрови хотя бы одного доброго слова. Нина Сергеевна медленно прошла мимо, не взглянув на невестку, и остановилась возле лифта. Вадим задержался на пороге, держа в руках сумку матери, и посмотрел на оставленную возле кладовки раскладушку.

— Пока пусть здесь постоит, — произнёс он с раздражением. — Не буду таскать туда-сюда тяжёлую вещь из-за тво-

их капризов. Когда придёшь в себя, сама скажешь, что делать. Только учти, Лида, я не собираюсь бесконечно откладывать свою жизнь, пока ты изображаешь оскорблённую жену.

— Уезжай, Вадим, — ответила Лидия, чувствуя, как от усталости начинает кружиться голова. — Отвези мать и оставь меня хотя бы на несколько часов в покое. Я больше сегодня ничего обсуждать не буду, поэтому можешь даже не звонить с новыми предложениями.

Вадим хотел что-то добавить, но из лифта донёсся недовольный голос матери, которая уже успела устать стоять. Он махнул рукой, вышел на площадку и закрыл за собой дверь. Лидия услышала, как Нина Сергеевна жалуется на больную ногу, а сын успокаивает её и обещает заехать в аптеку. Потом двери лифта закрылись, и в подъезде стало тихо. Лидия ещё несколько секунд стояла возле входа, прислушиваясь к удаляющемуся шуму кабины, затем медленно повернулась к раскладушке.

Покупка стояла прислонённой к стене, аккуратно сложенная, с белой наклейкой магазина на металлической раме. Лидия подошла, провела пальцами по плотному серому чехлу и вдруг почувствовала такое отвращение, что резко отдёрнула руку. Ей хотелось вынести эту вещь на лестничную площадку, оставить возле мусорных баков или хотя бы спрятать подальше, чтобы больше не видеть. Она открыла кладовку, вытащила оттуда коробку с зимними сапогами, несколько

старых пакетов и поставила раскладушку в освободившееся место. Та едва поместилась между пылесосом и полками с хозяйственными принадлежностями. Лидия закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь справиться с дрожью в руках.

Она прошла на кухню и начала убирать чашки. На месте Нины Сергеевны осталось блюдце с крошками печенья, а на скатерти — несколько капель чая. Лидия взяла тряпку, вытерла стол, потом ещё раз провела по тому же месту, хотя поверхность уже была чистой. Ей вдруг вспомнилось, как свекровь летом просила купить новый электрический чайник, потому что старый стал слишком медленно закипать. Лидия тогда выбрала хорошую модель, привезла, установила, показала, как пользоваться. Нина Сергеевна несколько дней подряд звонила благодарить, называла её своей заботливой девочкой и говорила, что сыну невероятно повезло с женой. А спустя какое-то время принимала у себя Маргариту, обсуждала счастье Вадима и, вероятно, уже знала, что прежней невестке собираются предложить раскладушку возле шкафа.

Лидия бросила тряпку в раковину и села за стол. Ей было пятьдесят четыре года, она работала почти всю взрослую жизнь, воспитала дочь, помогала родителям, а потом свекрови, занималась домом и никогда не считала себя человеком, которому нужно постоянно напоминать о его обязанностях. Теперь муж и его мать рассуждали о её будущем так, словно она была беспомощной старухой, которой следует благода-

рить за предоставленный угол. Особенно мучительным оказалось то, что Вадим действительно ожидал благодарности. Он купил раскладушку, привёз мать, показал, как удобно складываются ножки, и искренне возмутился отказом жены. Лидия вспоминала его довольное лицо возле разложенного спального места и чувствовала, что от этих воспоминаний её снова начинает трясти.

Около часа дня она заставила себя встать и приготовить что-нибудь поесть. В холодильнике лежала куриная грудка, которую Лидия собиралась использовать для ужина, и она поставила небольшую кастрюлю с водой на плиту. Пока вода нагревалась, достала овощи, машинально начала чистить морковь, затем вдруг поняла, что совершенно не хочет есть. Она убрала продукты обратно, выключила плиту и открыла окно. Со двора донёсся детский смех, кто-то ругался возле припаркованных машин, а из соседней квартиры пахло жареным луком. Всё вокруг продолжало жить привычной жизнью, и Лидии стало особенно тяжело оттого, что никто даже не представлял, что происходит за стенами её дома.

Она посмотрела на часы и вспомнила о занятиях. До выхода оставалось чуть больше часа, но в таком состоянии садиться за инструмент перед учениками было невозможно. Лидия позвонила заведующей, объяснила, что возникли серьёзные семейные обстоятельства, и попросила перенести оставшиеся уроки. Та выслушала её, не стала расспрашивать и предложила отдохнуть хотя бы один день. Лидия поблаго-

дарила, положила телефон на стол и некоторое время смотрела на экран. Теперь у неё было несколько свободных часов, но она совершенно не представляла, чем их заполнить. Вадим мог вернуться в любую минуту, снова начать разговор, потребовать извинений перед матерью или сообщить, что Маргарита нашла подходящее место для своей мебели.

Лидия встала, прошла в бывшую комнату дочери и села на кресло возле пианино. На стене висела фотография Ани в школьной форме, сделанная много лет назад перед первым сентября. Дочь тогда ужасно волновалась, боялась опоздать на линейку и несколько раз заставляла мать переплетать банты. Лидия вспомнила, как они вместе выбирали форму, портфель, тетради, как Аня потом рассказывала о первой учительнице и новых подругах. В этой комнате дочь выросла, здесь плакала из-за первой несчастной любви, готовилась к экзаменам, примеряла свадебное платье. Теперь чужая женщина решила поставить возле окна письменный стол для своего сына, а Вадим даже не подумал, что для Лидии эта комната значит гораздо больше, чем несколько свободных квадратных метров.

Телефон лежал у неё на коленях. Лидия несколько раз открывала переписку с дочерью, перечитывала вчерашнее сообщение о поделке внука и не решалась позвонить. Ей хотелось пожаловаться, рассказать, как Вадим привёл любовницу, как свекровь предлагала спать возле шкафа, как они вдвоём демонстрировали купленную раскладушку. Она

представляла, что Аня немедленно возмутится, приедет, обнимет её и скажет отцу всё, что сама Лидия сейчас не могла сформулировать. Дочь всегда была к ней привязана, часто звонила за советом, доверяла самые неприятные семейные переживания. Лидия считала, что хотя бы Аня поймёт, насколько унизительным было сегодняшнее утро.

Она набрала номер и приложила телефон к уху. Дочь ответила не сразу, а после нескольких длинных гудков, и по её голосу было слышно, что она чем-то занята. На заднем плане кто-то разговаривал, хлопнула дверь, затем стало тише.

— Мам, привет, — произнесла Аня, и Лидия почувствовала, как у неё сразу сжалось горло. — Ты чего среди дня звонишь? У тебя же занятия должны быть. У нас тут на работе полный завал, но я могу несколько минут поговорить, если что-то срочное.

— Анечка, у нас с папой беда, — сказала Лидия и неожиданно для себя расплакалась. Она закрыла лицо ладонью, пытаясь успокоиться, но слова всё равно выходили сбивчиво. — Он вчера привёл домой какую-то женщину, представляешь? Свою любовницу. Они ходили по квартире, выбирали спальню, собирались комнату твою переделывать. А сегодня он привёз бабушку, они мне раскладушку купили, хотят, чтобы я к ней переехала. Аня, я просто не понимаю, что происходит.

На другом конце провода несколько секунд стояла тишина. Лидия слышала только приглушённые звуки офиса и соб-

ственное тяжёлое дыхание. Потом дочь осторожно спросила, говорил ли отец с матерью о разводе и действительно ли собирается жить с другой женщиной. Лидия начала рассказывать всё сначала, сбиваясь, возвращаясь к отдельным подробностям и снова плача, когда доходила до раскладушки. Аня слушала, изредка задавала вопросы, однако того возмущения, на которое Лидия рассчитывала, в её голосе не появлялось.

— Мам, папа мне вчера звонил, — призналась наконец дочь, и Лидия замолчала, почувствовав неприятный укол тревоги. — Он сказал, что вы поссорились и что давно уже не можете нормально жить вместе. Я, конечно, не знала про эту женщину в квартире, он ничего такого не рассказывал. Но говорил, что предлагает тебе на какое-то время пожить у бабушки, пока всё не уляжется.

Лидия медленно убрала руку от лица. Она смотрела на фотографию дочери возле пианино и с трудом понимала, почему Аня говорит о предложенном переезде таким спокойным голосом. Вчера Вадим уже успел позвонить ей, представить случившееся как обычную ссору и, вероятно, объяснить, что мать снова слишком болезненно реагирует на происходящее.

— Аня, ты понимаешь, что он предлагает? — спросила Лидия, стараясь говорить отчётливо. — Папа хочет поселить любовницу с ребёнком в нашей квартире. А мне предлагает уехать к его матери, спать на раскладушке и продолжать за

ней ухаживать. Ты ведь сама там была, прекрасно знаешь, какая у бабушки маленькая комната. Куда я вообще дену свои вещи?

— Мам, я понимаю, что тебе очень обидно, — ответила дочь, и в её голосе появились усталые примирительные нотки. — Но, может быть, сейчас не надо принимать окончательных решений? Вы оба на нервах, папа наговорил лишнего, ты тоже расстроилась. Поживёшь немного отдельно, успокоишься, а потом уже будете думать, как всё устроить. Бабушка ведь действительно одна, тебе не придётся самой сидеть в пустой квартире.

Лидия медленно опустила руку с телефоном, потом снова поднесла его к уху. Она услышала всё совершенно отчётливо, но несколько секунд надеялась, что неправильно поняла дочь. Аня продолжала говорить о необходимости успокоиться, о том, что родителям лучше не устраивать войну, и о временном переезде как о вполне разумном способе избежать новых скандалов. Лидия смотрела на мамино пианино, на фотографию дочери в школьной форме и чувствовала, как после сегодняшнего разговора со свекровью в груди появляется ещё одна тяжёлая, болезненная обида.

— Аня, это моя квартира, — произнесла она наконец, и голос её дрогнул. — Я здесь всю жизнь прожила, тебя здесь вырастила. Почему ты тоже считаешь, что я должна отсюда уехать? Я ведь даже не знала, что у папы другая женщина, а вы уже обсуждаете, где мне будет удобнее жить.

Дочь торопливо ответила, что ничего заранее не обсуждала и вовсе не хочет обидеть мать. Она попросила Лидию не плакать, пообещала приехать и поговорить спокойно, когда закончит рабочие дела. Однако прежде чем попрощаться, всё-таки вернулась к мысли, что несколько недель у бабушки могли бы помочь всем пережить семейный разрыв без лишних ссор. Лидия выслушала её, машинально сказала, что будет дома, и отключила телефон. Потом положила его на крышку пианино и долго сидела неподвижно, пытаясь справиться с новым приступом слёз.

Она звонила дочери за поддержкой, а услышала почти те же слова, которые с утра произносили Вадим и его мать. Аня, возможно, действительно хотела избежать скандалов и верила, что временный переезд поможет родителям разобраться, но Лидии от этого было ничуть не легче. Она вспомнила, как дочь недавно просила посидеть с внуком в выходной, и сама Лидия переставила ради этого урок, хотя давно собиралась заняться домашними делами. Вспомнила, как несколько раз ездила к Ане после работы, готовила, помогала с ребёнком, оставалась до позднего вечера, потому что молодые родители очень уставали. Она никогда не жалела об этой помощи и любила проводить время с внуком. Сейчас ей впервые стало страшно от мысли, что собственная дочь тоже привыкла считать её человеком, который обязательно уступит, если другим так будет удобнее.

Лидия поднялась с кресла и подошла к окну. Во дворе по-

степенно собирались дети после школы, возле качелей стояли молодые матери, а у подъезда остановился знакомый автомобиль соседа. Она смотрела на людей и пыталась представить, как завтра встретит Аню, что скажет ей и сумеет ли спокойно выслушать объяснения. Затем повернулась к пианино, поправила лежащие на нём ноты и провела рукой по деревянной крышке. Вчера чужая женщина уже собиралась убрать инструмент из этой комнаты, сегодня муж с матерью показывали ей раскладушку, а теперь дочь осторожно советовала пожить отдельно, пока всё не уляжется. Лидия снова взяла телефон, открыла переписку с Аней и написала, что будет ждать её завтра. Отправив сообщение, она закрыла дверь комнаты и направилась на кухню, где ещё с утра оставались невымытые чашки после визита свекрови.

Глава 3. Мама, только не устраивай войну

На следующее утро Лидия проснулась от звука работающего фена. Вадим собирался на работу и, судя по всему, совершенно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.